

История философии

History of Philosophy

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-398-419>
EDN: SCVEFY

Научная статья / Research Article

«Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я.Э. Голосовкера

Д.П. Козолупенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
 petrovich.tr@gmail.com

Аннотация. В предлагаемом исследовании рассматривается одна из наименее известных рецепций кантовской мысли в русской философии: представления о фигуре «монструозного Канта» в работах Я.Э. Голосовкера. Актуальность данного исследования связана не только с малой доступностью и слабой исследованностью наследия последнего, но и с одновременным своеобразием его трактовки философии Канта и созвучностью этой трактовки общему пониманию оснований философии Канта в русской религиозной философии. Задачей статьи является восполнение пробела в кантоведческих исследованиях, посвященных русским рецепциям кантианства и одновременно прояснение вопроса об адекватности предложенной Я.Э. Голосовкером трактовки образа Канта наиболее известным из этих рецепций и самому кантовскому наследию. Выдвигается общий тезис о том, что несмотря на схематичность и даже «карикатурность» (по выражению самого Я.Э. Голосовкера) предложенного образа, он отражает те черты и аспекты кантовской философии, которые оказываются наиболее существенными для русских религиозных философов. Подчеркивается, что образ Канта–чёрта с его «карикатурной философией» принципиально отличается Я.Э. Голосовкером от Канта–софиста (истинного Канта) и имеет важное методологическое значение при прояснении связи гносеологических и этических оснований русской религиозной философии и ее специфического онтологизма.

Ключевые слова: логическая схема антиномии, онтология имагинативного разума, имагинативный абсолют

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Козолупенко Д.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 01.12.2024

Статья принята к публикации 05.03.2025

Для цитирования: Козолупенко Д.П. «Монструозный Кант»: рецепция оснований трансцендентальной философии Канта в концепции Я.Э. Голосовкера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 398–419. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-398-419>

“Monstrous Kant”: Reception of the Foundations of Kant’s Transcendental Philosophy in the Concept of Ya.E. Golosovker

Daria P. Kozolupenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

petrovich.tr@gmail.com

Abstract. The proposed research examines one of the less known receptions of Kantian thought in Russian philosophy: the ideas about the figure of “monstrous Kant” in the works of Ya.E. Golosovker. The relevance of this study is linked not only to the lack of accessibility and poor research of the latter’s legacy, but also to the originality of his interpretation of Kant’s philosophy and its concordance with the general understanding of Kant’s foundations in Russian thought. The goal is to fill a gap in studies of Kantology devoted to Russian receptions of Kant’s philosophy, while explaining some aspects of how appropriate it is to interpret the image of Kant as proposed by Ya.E. Golosovker. The proposed image reflects those features and aspects of Kantian philosophy that are most essential for Russian religious philosophers. The image of Kant as a “caricature philosopher” differs fundamentally from the true Kant, and has important methodological significance in understanding the connection between epistemology and ethics in Russian philosophy.

Keywords: logical scheme of antinomy, ontology of imaginative reason, imaginative absolute

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.12.2024

The article was accepted on 05.03.2025

For citation: Kozolupenko DP. “Monstrous Kant”: Reception of the Foundations of Kant’s Transcendental Philosophy in the Concept of Ya.E. Golosovker. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):398–419. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-398-419>

Введение

Наследие Канта, в том числе и тот след, который оставила кантовская мысль в философском и культурном пространстве России, изучается давно и с различных точек зрения. Кант – один из тех философов, чьи положения

стали для отечественной мысли катализатором собственных размышлений о человеке и его месте в мире, иногда оказываясь неожиданно созвучными, а иногда – вызывая яростное сопротивление и раздражение¹.

Лозунг Отто Либмана «Es muß auf Kant zurückgegangen werden»² [3. S. 216], позднее преобразованный в призыв «Назад, к Канту!», в нашей стране неоднократно переосмысливался. Часто отечественная мысль добавляла к этому лозунгу вопросительный знак и вступала в открытую или скрытую полемику с основными положениями Канта, кантианцев и неокантианцев, призывая вернуться еще дальше – назад к Платону, своеобразному антагонисту Канта по версии П. Юркевича, П. Флоренского и других русских мыслителей. Но как бы ни относились отечественные мыслители к кантовской философии, большинство из них принимало тезис Я.Э. Голосовкера о том, что «откуда и куда бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому – Кант» [1. С. 257].

Фигура Канта была одной из центральных и для самого Я.Э. Голосовкера. Отголоски кантовских положений обнаруживаются практически в каждом его тексте. Кант – единственная фигура, стоящая в его работах особняком, вне деления на философов – ученых и философов-поэтов, вне рамок «философии–как–науки» и «философии–как–искусства». «Монструозный Кант» [1. С. 104] оказывается шире и сложнее этой классификации – и в то же время служит ей основанием, подобно тому, как он служит основанием для многих других философских проектов в России, начиная с тех, которые были порождены непосредственным общением с ним – и заканчивая современными «кантостремительными» и «кантобежными» исследованиями.

Знаменательно, что знакомство с Я.Э. Голосовкером как с философом начинается для отечественного читателя с его работы, посвященной Канту. До ее выхода в 1963 году он считался первоклассным филологом, специалистом по античной мифологии, был известен как переводчик, однако в список отечественных философов не входил. Я.Э. Голосовкер в принципе малоизвестен как философ. Даже в лучших работах по «Истории русской философии»³ В.В. Зеньковского (1948) и Н.О. Лосского (1951) нет упоминания имени Я.Э. Голосовкера, несмотря на то, что их авторы дают максимально подробный абрис русской философской мысли. В предшествующих трудах Э. Радлова, А. Введенского, Г. Флоровского, Г. Шпета его нет также, но это более объяснимо: основные философские сочинения Я.Э. Голосовкера тогда не были еще написаны.

¹ Вопреки бытовавшему долгое время мнению о радикальном противостоянии православной русской философии и кантианства на русской почве [1. С. 169], отголоски которого можно найти и в построении работы Я.Э. Голосовкера «Достоевский и Кант», в целом «неприятие кантианства в России хотя и было влиятельным, однако никогда не доминировало, а, напротив, сосуществовало с разнообразными попытками его усвоения и развития, включая православную среду» [2. С. 2].

² Букв. «Необходимо вернуться к Канту» (нем.).

³ Здесь – отсылка к одноименным названиям работ указанных авторов.

В то же время сам Я.Э. Голосовкер считал себя в первую очередь именно философом, причем «философом-систематиком» [4. С. 195–196]. Стремление создать философскую систему отражалось и в тематике и строе его ранних работ⁴, и в особенности – в его основных произведениях, опубликованных преимущественно уже после его смерти, в которых он стремится воплотить единый «миф своей жизни»⁵ и создать целостную философскую систему. Однако эта система долгое время оставалась незамеченной критиками, а сам Я.Э. Голосовкер, по меткому замечанию своего племянника, был в отечественной культуре маргинальной фигурой, значащейся лишь «в примечаниях к истории литературы» [7. С. 481].

Данная ситуация объясняется в первую очередь тем, что основные философские работы Я.Э. Голосовкера дважды горели в огне, восстанавливались каждый раз автором по памяти и в неполном объеме, долгое время не публиковались⁶ и потому были мало доступны широкому кругу читателей. Не способствовало известности работ Якова Эммануиловича и то, что сам он частично «скрывал то, что создавал: не предавал свои сочинения гласности, не организовывал общественного мнения, не создавал для себя ореола при посредстве друзей или маклеров славы» [6. С. 8]. Как итог – многие его работы и даже его имя было известно, в основном, узким специалистам⁷, и ни составители Большой Советской Энциклопедии⁸, ни редакторы Философского энциклопедического словаря⁹ не упомянули его ни как филолога, ни как переводчика, ни как философа. Публикаций, посвященных работам Я.Э. Голосовкера, и сегодня крайне мало как в отечественной, так и в мировой философии¹⁰ – и большинство из имеющихся публикаций посвящены не интерпретации Канта, но другим сюжетам, затронутым в произведениях Я.Э. Голосовкера, с философией Канта непосредственно не связанных.

⁴ Например, Я.Э. Голосовкер уже «в начале 20-х гг. выступал с докладом о Достоевском в Московском отделении Вольной философской ассоциации, подготовил для журнала „Россия“ эссе „Сократ и Ленин“» [5. С. 99] и во всех без исключения произведениях выстраивал оригинальную и целостную концепцию культуры, рассматривая классические философские вопросы, и развивал собственную теорию имажинации.

⁵ Здесь – отсылка к одноименному названию одной из работ Я.Э. Голосовкера [6].

⁶ Философские тексты Голосовкера, за исключением труда «Достоевский и Кант», в отличие от работ, в которых он выступал только как переводчик, начали публиковаться лишь через двадцать лет после его смерти.

⁷ В основном тем, кто занимается античной мифологией. Так, например, Е.М. Мелетинский уделил его концепции несколько страниц в своей «Поэтике мифа» [8. С. 141–143].

⁸ Имеется в виду Большая советская энциклопедия в 30 т. / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. Т. 7. Гоголь-Дебит. М. : Советская Энциклопедия, 1972.

⁹ Философский энциклопедический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1983.

¹⁰ Наиболее значительный вклад в исследование творчества философа внесли Н.В. Брагинская (почти все публикации его текстов были осуществлены благодаря ей – и практически к каждой прилагались её сопроводительные статьи), Е.Б. Рашковский [9; 10] и Д.А. Морозов [11–14]. Среди публикаций иных авторов выделяются исследования Е. Флейшхауэр [15], М.О. Чудаковой [16], Т.В. Филатова [17], сравнительные исследования М.В. Собищниковой [18] и О.Г. Арапова [19], а также вышедшие недавно коллективные монографии [20; 21].

В то же время практически все авторы, так или иначе пишущие о Я.Э. Голосовкере, отмечают их оригинальность и значимость для современной им философской мысли. Уже в 1968 году, после выхода «Достоевского и Канта» и прочтения рукописи «Имагинативного абсолюта», академик Н.И. Конрад характеризовал Я.Э. Голосовкера как «одного из образованнейших и глубоких мыслителей нашего времени – своеобразного и неповторимого» [22. С. 183]. Более поздние отзывы других исследователей лишь подтверждают эту оценку [5. С. 96, 107; 9. С. 148; 23. С. 604].

Центральная для его работ тема имагинации¹¹ может расцениваться как радикальное переосмысление роли воображения, что, безусловно, актуально и значимо для современной философии и в особенности для гносеологии, философии культуры, философской антропологии и эстетики. Обращение к философским текстам Я.Э. Голосовкера показывает, что он своеобразен и в попытке выстроить безрелигиозную систему обожествления культуры [4. С. 201], и в формировании нового понятийного аппарата, и в том, как представлен в его произведениях неявно центрирующий всю его философию образ Канта. Именно на последнем мы и сосредоточим наше внимание поскольку, во-первых, образ Канта, как уже было сказано, является центральным для всей «философской системы» Я.Э. Голосовкера и понять данную систему, минуя его трактовку кантовской философии практически невозможно; во-вторых, рецепция философской мысли И. Канта, которую представляет в своих работах Я.Э. Голосовкер, позволяет лучше понять, почему Кант воспринимался русской мыслью как обязательный «философский мост»; в-третьих, изучение особенностей этой рецепции в различных работах Я.Э. Голосовкера проясняет вопрос о том, почему изображение этого моста в русской философии правомерно и даже необходимо распадается на несколько самостоятельных и практически не зависимых друг от друга образов Канта.

«Достоевский и Кант» как авторская книга Я.Э. Голосовкера: особенности философской методологии

Работа «Достоевский и Кант», задуманная как часть большого проекта (объемом в 12 п.л.), фактически первая глава исследования, обозначенного в рабочих записях Я.Э. Голосовкера как «Секрет Автора»¹², вышла в 1963 году небольшой брошюрой. Текст не остался незамеченным: «книга вызвала немалый интерес» [5. С. 103], в 60-е годы она была «очень популярной» [4. С. 197], так что в новелле Л. Мартынова «Поиски Абсолюта» Яков Голосовкер предстал в первую очередь именно как автор книги о Достоевском и Канте [24. С. 167–177].

¹¹ Термин Я.Э. Голосовкера.

¹² Три других главы должны были быть посвящены творчеству Лермонтова, Горация и Гельдерлина, но полное четырехчастное издание так и не было осуществлено [5. С. 102].

В то же время между первой публикацией «Достоевского и Канта» на русском языке и последующими изданиями его философских сочинений проходит более 20 лет, и в первых сборниках его философских работ «Достоевский и Кант» отсутствует:

➤ в 1987 году выходит «Логика мифа» [25], включающая в себя отдельные фрагменты из двух частей сохранившейся рукописи «Имагинативного Абсолюта», тематический индекс к нему, примечания и две сопроводительные статьи – от составителя сборника Н.В. Брагинской и академика Н.И. Конрада;

➤ в 1989 году в журнале «Вопросы философии» с предисловием Н.В. Брагинской выходят автобиографический «Миф моей жизни» и небольшая работа «Интересное» [26; 27];

➤ в 1991 году в журнале «Дружба народов» публикуются сохранившиеся отрывки «Сожженного романа» [28];

➤ в 1993 г. в материалах семинара «Архэ» выходят «Записки юного материалиста» – «фантазия» из ненаписанной книги Я.Э. Голосовкера «Вот о чем думал юноша» [29] с предваряющей статьей Н.В. Брагинской, а в парижском журнале «Символ» также с сопроводительной статьей Н.В. Брагинской издается «Имагинативная эстетика» [30];

➤ и лишь к концу 90-х начинают выходить сборники, включающие в себя, наряду с другими произведениями Я.Э. Голосовкера, работу «Достоевский и Кант»¹³.

В исследовательской литературе первый серьезный отзыв на эту работу появляется лишь спустя 15 лет после ее выхода, в 1979 году – и не в отечественной исследовательской среде, а в *Kant– Studien*, в разделе «отчеты и обсуждения» [15]. Русскоязычные публикации выходят значительно позднее и с большим разрывом: это в первую очередь статьи А.В. Ахутина (1990) [34] и Д.А. Морозова (2021) [12]. Собственно работе «Достоевский и Кант» посвящена при этом лишь вторая статья, так как в первой исследовании Голосовкера рассматривается не само по себе, а как «идеальное предварение» для разговора о том, кем является Кант для иных русских философов. Проблематика работы «Достоевский и Кант» анализируется также в публикациях Е.Б. Рашковского [9. С. 163–169; 10. С. 460–461], посвященных осмыслению философского наследия Я.Э. Голосовкера в целом. Таким образом, работа, возбудившая немалый интерес у читающего сообщества и ставшая популярной сразу после своего выхода, в 60-е гг., тем не менее, практически не становилась предметом специального профессионального (философского и филологического) исследования.

Имеющиеся отзывы о данной работе весьма осторожны. Замечая, что книга «поражала не только богатством содержания и глубиной мыслительных

¹³ Хотя в конце XX – начале XIX вв. переиздания работ Я.Э. Голосовкера выходят чаще, и включение в них работы «Достоевский и Кант» становится скорее правилом, нежели исключением [31; 32. С. 311–388; 33].

ходов, но и каким-то особым отношением к миру и к самому материалу исследования» [10. С. 460], его критики сетуют, что «при всей аккуратности работы с текстами» Я.Э. Голосовкеру присуща «какая-то особая внутренняя свобода, непринужденность в собеседовании с великими мастерами прошлого» [10. С. 460]. Его чтение Канта – это «попытка реального переживания, попытка читать Канта как написанное о себе – обо мне, о вас» [35. С. 13], что предполагает определенную свободу от оригинала, к которой в «Достоевском и Канте» добавляется сознательное огрубление кантовской мысли, вплоть до карикатурности, создающей максимальное эмоциональное воздействие на читателя и преследующей именно эту цель. Из-за этого «мыслитель обращается к схематизированному образу Канта, полностью игнорируя ряд сюжетов мысли последнего» [12. С. 187]. Это не может не вызывать упреков со стороны специалистов, так как созданный Я.Э. Голосовкером образ не соответствует реальному Канту и его учению, существенно обедняя его и оставляя лишь то, что необходимо для противопоставления основной мысли Достоевского в романе «Братья Карамазовы».

Работа Я.Э. Голосовкера с текстами специфична. «„Освободитесь от заблуждения, – писал Голосовкер, – что автор – философ-специалист... Он – мыслитель, а мысль не имеет специальности“. Это означало: философская мысль не должна связывать себя никакими сложившимися до нее приемами или обременять накопленным до нее культурным материалом, она может обращаться с ним по выработанным ею самой, а не по чужим устоявшимся правилам. Она свободна, она создана воображением художника» [36. С. 300].

Этого принципа он придерживался во всех своих работах, включая переводы. Поэтому так и не был опубликован, несмотря на уже готовую корректуру, выплаченный автору гонорар и положительные отзывы ведущих специалистов (И.А. Белецкого, И.И. Толстого, В.Ф. Асмуса), фундаментальный труд по созданию «Большой античной антологии». Свободные по отношению к оригиналам «взгляды Я. Голосовкера, отличавшиеся от общепринятых (на отбор материала, его систематизацию, истолкование, приемы перевода), вызывали противостояние в Институте мировой литературы и на филологическом факультете Московского университета» [5. С. 104]. Из-за противопоставления философа как мыслителя философу-специалисту и стремления воплотить в своих работах стратегию первого возникли существенные трудности с изданием перевода Ницше, который А.В. Луначарский охарактеризовал как «безусловно хороший, хотя и не лишенный некоторых оригинальностей» [37. С. 525]. Оригинальности же были обусловлены тем, что «войти в произведение Ницше можно, только находя внутри себя возможности проживания создаваемого им мифа. И это, безусловно, удалось Голосовкеру» [38. С. 231], отрицавшему позицию языкового пуризма в философии.

С формально-академической точки зрения, работы Я.Э. Голосовкера написаны слишком «вольно», но именно эта вольность и позволяет им состояться. «И в своих произведениях, и в, казалось бы, более относимых к

„ремеслу“ работах – в комментариях, переводах – Голосовкер ощущал себя Автором. В этом романтическом пространстве условны все дисциплинарные, технические различия. Все производимое – произведение» [38. С. 229], основанное не на принципе «цитаторов», которые «работают ножницами и клеем» [39. С. 145], но на следовании Мысли, тем самым порождая новую мысль и осуществляя «творческое достраивание оригинала» [12. С. 181]. Благодаря этому «„оригинал“ имеет шанс состояться еще раз, в „другом“ языке» [38. С. 229], а получившееся новое произведение оказывается по Мысли созвучным оригиналу, но настолько цельным, «что ему (в каком-то смысле) не нужен и оригинал» [38. С. 227].

По мнению Я.Э. Голосовкера, Достоевский читает Канта подобным образом. Достоевский, который «тонко понимал значение тайнописи словаря писателя, в данном случае Канта-сочинителя» [33. С. 305], замечает Голосовкер, читает тексты философа «психологически-проницательно» [33. С. 304] и также творчески достраивает их, позволяя им состояться заново – иначе, чем в оригинале. В связи с этим дискуссионный вопрос: читал ли вообще Достоевский Канта? – приобретает другое звучание.

С одной стороны, в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» нет ни одного упоминания имени Канта (хотя неоднократно и неизменно в негативном ключе встречается слово «критика»). В письме к М.М. Достоевскому от 22 февраля 1854 года Ф.М. Достоевский просит выслать ему ряд работ, в число которых входит и кантовская «Критика чистого разума», подчеркивая, что получение данных текстов для него крайне важно [40. С. 173]. Но в примечаниях сообщается, что чиновник, получивший посылку с запрошенными писателем книгами, отказался от нее, так как «убоялся сношений с политическим преступником» [40. С. 460] – и вполне возможно, что в период работы над романом автор действительно не читал «Критику».

Если это так, то действительно ли с образом Канта и с кантовской философией мы имеем дело в произведениях Ф.М. Достоевского и Я.Э. Голосовкера или же с фантазмами, имеющими к Канту лишь отдаленное отношение? И если мы склоняемся ко второму варианту, то не следует ли отвернуться от данного прочтения кантовской философии как от «карикатурного персонажа»?¹⁴ Кантовед с большой вероятностью ответит положительно на оба эти вопроса, и именно с этой интенцией в большинстве своем и связано и отсутствие большого количества публикаций, посвященных рецепции философии Канта в работах Я.Э. Голосовкера, и в целом неоднозначные, слегка скептические именно в отношении адекватного отражения кантовского наследия, комментарии специалистов.

¹⁴ Проблема «карикатуризации» образа Канта в отдельных отечественных произведениях рассматривается в работах А.Н. Круглова [41. С. 236–263; 42].

Секрет чёрта и образ Канта: «окарикатуренная философия»

Такое положение вещей в целом характерно не только для работ Ф.М. Достоевского и встречается в русской философии хотя и не так часто, чтобы это можно было считать ее специфической чертой, но и не столь редко, чтобы оно могло характеризоваться как исключение. Так, исследователи творчества М.А. Бакунина, постулируя, что отправной точкой для его знакомства с философией был Кант, чью философию он «солидно освоил» [43. С. 5–6], в то же время замечают, что он едва ли успел *«прощудировать Канта сколько-нибудь основательно»* [43. С. 142] (курсив мой. – Д.К.), и что «мы действительно не встречаем во всей обширной переписке его с сестрами и друзьями никаких указаний на то, чтобы он употребил в это время необходимые усилия на усвоение Кантовой „Критики чистого разума“» [43. С. 142–143]. Исследуя различные архивные документы и исследовательскую литературу, В.Ф. Пустарников заключает, что «первые философские работы М.А. Бакунина свидетельствуют о том, что он весьма неплохо изучил Канта, по крайней мере его „Критику чистого разума“, но именно хорошее знание идей Канта способствовало тому, что М.А. Бакунин решительно отмежевался от этих идей, и в этом смысле Кант сыграл роль одного из наиболее мощных „отрицательных“ стимулов, побуждавших его искать философскую теорию, радикально отличную от кантианства» [44. С. 6]. Похожий вывод делает относительно Ф.М. Достоевского Я.Э. Голосовкер: «Кант... предстал перед Достоевским как некий главный противник, чьими аргументами он мог вооружить врагов своего духа и в своем собственном духе, вовсе о нем, о Канте, не упоминая» [33. С. 302]. Значит ли это, что Достоевский не читал «Критики»? Или, как в случае Бакунина, именно глубокое понимание кантовского текста заставило не упоминать его, поскольку представленный в романе противник слишком явно отличался от оригинального Канта?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо вспомнить, что русские философы, особенно принадлежащие к направлению русской религиозной философии, стремились, как и Ф.М. Достоевский, перевести кантовские антиномии «в план морально-религиозный, в <...> трагедию и водевиль интеллекта» [33. С. 304], в которых схематичность и теоретичность кантовской диалектики была нужна «только для того, чтобы раскрыть, как страдает самый ум человека при этом споре, неразрешимом... средствами одного только теоретического ума и как смехотворен одновременно этот теоретический спор, если он ведется только в теоретическом плане» [33. С. 304]. В большинстве своем Канта они читали – и делали это весьма внимательно. Однако, выставляя его своим противником, зачастую обходились, подобно Достоевскому, парафразами и ярлыками.

Заключая, что «Кант незримо присутствует... повсюду, где только сходятся у Достоевского соперники: совесть против ума» [33. С. 295] и «читателю незачем даже прибегать к изучению биографии писателя, чтобы

убедиться в его знакомстве с Кантом» [33. С. 260], и в том, что «Достоевский был не только знаком с антитетикой „Критики чистого разума“, но и продумал ее» [33. С. 260], Голосовкер отсылает нас к «нарезке цитат» [33. С. 264–268, 272–273, 277, 280–281]. Он последовательно связывает между собой авторскую аргументацию, сверяет контексты употребления отдельных терминов – словом, проделывает всю ту работу, которую невозможно проделать, не будучи «специалистом» и плохо ориентируясь в изучаемом первоисточнике. Его исследование методологически ближе к посвященным Кантовским антиномиям работам П. Флоренского¹⁵, чем к роману Ф.М. Достоевского, в котором нет ни привычных для академического письма цитат или иных отсылок, позволяющих читателю пройти по библиографической тропе к первоисточнику, ни упоминания имени Канта.

Более того, обращаясь к увиденному и изображенному Достоевским Канту, Я.Э. Голосовкер говорит о том, что здесь мы имеем дело, собственно, не с Кантом, но с его схематизацией и даже – карикатурой. Огрубление кантовской философии носит у Достоевского, по его мнению, методологический характер и одновременно оправдывает отсутствие имени Канта в романе – ибо не Кант и не его настоящая философия с восхищавшей Я.Э. Голосовкера тончайшей софистикой и антисофистикой становятся той точкой, от которой отталкивается Ф.М. Достоевский – но созданная на основании небольшой части текста Канта, схематизированная и легко узнаваемая по ключевым словам «окарикатуренная критическая философия» [33. С. 293], которая «водит попеременно от неверия к вере и обратно» [33. С. 293].

Именно такой образ Канта – неприемлемый для русской религиозной философской мысли именно в силу *определенной* его схематизации, выделения наиболее раздражающих ее основоположений, совсем не однозначных для самого немецкого философа, становится направляющим для некоторых русских философов, начиная с конца XIX в. «Окарикатуренная философия», о которой пишет Я.Э. Голосовкер, «подсматривая» глазом психолога-Достоевского под логику¹⁶ истинного Канта и пытаясь понять, как и зачем превратилась она в

¹⁵ Имеются в виду работы Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. VII. Письмо 6. Противоречие; его же Космологические антиномии И. Канта; его же Философия культа. Часть I. Чтения о культе. III. Культ и философия.

¹⁶Оборот «подсмотреть под логику» принадлежит Я.Э. Голосовкеру, который в «Имагинативной эстетике» употребляет его, объясняя особенности методологии собственного исследования [30. С. 232]. В работе «Достоевский и Кант» он пишет, что «читатель (он же автор исследования) выступает здесь в роли анатома, вскрывающего сложнейший организм романа, его внутреннюю структуру, с целью раскрыть его смысл и явный, и затаенный. Раскрывая *секрет* романа, читатель-исследователь ни на мгновение не должен выпускать из рук логическую нить и не отступать от взятого им курса, своего метода, строго, точно, шаг за шагом анализируя, как это делает при раскопках археолог. Читатель-исследователь анализирует ткань романа, особенно — затаенную логику этой ткани» [33. С. 303] (курсив Я.Э. Голосовкера) точно так же, как Достоевский анализирует логику текстов Канта. Но и Достоевский, и гипотетический читатель-исследователь, и сам Голосовкер не только устанавливают логику

собственную карикатуру, характеризуется им как «якобы кантианство» [33. С. 294], оказывающееся тем раздражителем, который заставляет мучиться героев Ф.М. Достоевского и искать выход из неразрешимого тупика «естественной и неизбежной Иллюзии разума» [33. С. 277]. От *этого* (якобы) Канта отворачивается М.А. Бакунин. С ним спорит П.А. Флоренский. Именно об этом схематизированном образе, а не о настоящем Канте, С.Н. Булгаков, определяющий саму сущность философии как «критический антиномизм» [45. С. 315], пишет как о том, кто «подошел к самому краю бездны в своем учении об антиномиях и остановился» [45. С. 314], так и не шагнул дальше.

Настоящий Кант – с «Критикой способности суждения», малыми работами и размышлениями, «Кант-теоретик – тончайший софист, владеющий искусством в любой момент разоблачить в софисте софиста, самому же методологически выйти из игры в роли антисофиста» [33. С. 301] – не показан в этих трудах. Их определяет другой Кант – тот, в котором, возможно, сам Кант не узнал бы себя, но который был необходим русской философии для осознания собственных внутренних установок, для дальнейшего диалога с философией европейской и для размежевания с ней. Поэтому «Кант в лице юного мыслителя-атеиста Ивана Карамазова оказался тем противником Достоевского, которого тот хотел сразить его же оружием» [33. С. 295], вступив в поединок с «якобы кантианством» и, возможно, умышленно не был назван в романе Кантом.

«Некантианский Кант» – это и образ Ивана Карамазова, в котором борются Тезис и Антитезис, подкорректированные Голосовкером, и карикатура на западную «философию как науку». ¹⁷ Но не только. В этом образе «Кант как автор „Критики чистого разума“, чье имя ни разу не упоминается в романе, оказался чёртом, скоморохом-философом, который не знает – есть ли Бог, хотя Бога слышит в голосе своей совести» [33. С. 295] – в самом конце работы пишет Я.Э. Голосовкер. «Кант – черт! ...искуситель, враг, высвеченный в своей сущности отсветами адского огня» [34. С. 454] – вторит ему А.В. Ахутин, имея в виду уже не только роман Достоевского, но целый ряд произведений русских религиозных философов.

текста, но и выявляют психологические основания, скрывающиеся за (в терминологии Голосовкера – «под») этой логикой, обращая внимание на «психологию понятий». «Психология понятий» – ещё один важнейший для Голосовкера термин. «Психология понятий», – пишет он, – «раскрывает самые глубокие тайны у мыслителей, которые были для них самих скрыты» [33. С. 323]. Используя её, можно расшифровать подтекст текста, заглянув «под» текст и «под» его логику. Именно это, с его точки зрения, сделал Достоевский, который «подсмотрел под логику и диалектику Канта» [33. С. 323] в романе «Братья Карамазовы» и «усмотрел своим психологическим глазом подноготную всей этой Кантовой антиномической концепции» [33. С. 304]. Это пытается проделать и сам Голосовкер, и должен проделать гипотетический читатель-исследователь, который будет идти вслед за ним по тексту романа Достоевского.

¹⁷Термин Я.Э. Голосовкера в работе «Имагинативный Абсолют» противопоставляется «философии-как-искусству».

Для Я.Э. Голосовкера очевидно отличие фигуры Канта-чёрта от реального Канта с его многогранной философией. И как будто опасаясь, что читатель их перепутает, он прямо пишет, что «в данном случае Кант – не только немецкий философ Кант» [33. С. 301], и поясняет, что «это – сплошная карикатура на философию – на Декарта, Канта, Фихте, Гегеля» [33. С. 295], чьи имена были сознательно затушеваны. Карикатура на всех представителей «философии как науки», которых в «Имагинативном Абсолюте» Я.Э. Голосовкер противопоставляет «имагинистам»: Платону, Шеллингу, Ницше, Бергсону. Но такое противопоставление верно лишь отчасти. Истинный Кант не случайно именуется Голосовкером «монструозным». Определение «монструозный» призвано показать, что в случае Канта мы имеем дело с невозможным, но вполне жизнеспособным соединением несоединимого: философии как науки и философии как искусства в одной системе одного философа, Канта. В «Достоевском и Канте» от «монструозного Канта» осталась лишь одна, «наукообразная» половина, превратившаяся в итоге в Канта-чёрта.

Насильственное урезание образа не являлось результатом недопонимания или недостаточного знакомства с философией Канта, но было необходимо методологически, поскольку работа «носит заголовок „Достоевский и Кант“, а не „Кант и Достоевский“, и речь в ней идет не о воздействии на Достоевского целокупного учения Канта, а только о „Критике чистого разума“ и о писателе-мыслителе Достоевском, как о читателе этого труда Канта, – именно о том, *как читал Канта Достоевский*» [33. С. 304]¹⁸.

Иными словами, Голосовкера интересует здесь не столько Кант, сколько *то, что было вычитано*, воспринято из Канта *Достоевским*, влияние, которое «Критика чистого разума» (те ее положения, которые ассоциировались в русской мысли этого времени с «критикой», «наукой» и вызывали неприятие), оказала на Ф.М. Достоевского. Предмет изучения, таким образом, изначально обозначен предельно точно и это – не трансцендентальная философия Канта, а то, как видоизменялась и осознавала себя под ее влиянием русская мысль. Или, как пишет в заключительных строках произведения Я.Э. Голосовкер, *то, «что можно увидеть в книге»*¹⁹, во многом определившей на столетие пути мировой философии, если читать ее глазом такого писателя, как Достоевский» [33. С. 305]. И в этом смысле выведенный Я.Э. Голосовкером образ Канта особенно интересен и адекватен поставленной задаче его исследования.

«Монструозный» Кант: за рамками антиномий

Фигура и философия Канта, показанная в работе «Достоевский и Кант» намеренно схематично, существенно отличается от той трактовки кантовского наследия, которое встречается в остальных трудах Я.Э. Голосовкера.

¹⁸ Курсив Я.Э. Голосовкера.

¹⁹ Курсив мой. – Д.К.

В тексте «Достоевский и Кант» неоднократно встречается обвинение «критики», и в отношении той самой «окарикатуренной философии», олицетворением которой выступает Кант-чёрт, задается вопрос: «...зачем создал он эту непримиримую „науку“, выступающую против тезиса, против Бога, бессмертия и свободы?» [33. С. 294]. Но как ранее была сделана оговорка про Канта (который не совсем Кант), так и теперь «наука» не случайно взята в кавычки.

«Это она, „наука“, якобы убила старика Карамазова» [33. С. 297], скажет автор, отождествив эту «науку» с атеистическим, свободным умом и одновременно заявив, что она же довела Ивана Карамазова до белой горячки, «съела его ум» [33. С. 297]. Кавычки и критика по отношению к «науке» сохраняются и когда Голосовкер пишет о «сплошной карикатуре на философию», в которой «все прикрыто одним словом „наука“, которой вооружен человеко-бог – абсолютный атеист» [33. С. 295] как о первом фокусе романа «Братья Карамазовы», и когда он рассуждает о втором его фокусе, в котором «„наука“ терпит крушение, и великий инквизитор, который сам разделяет грех атеизма с наукой, из любви к людям решает освободить людей от науки, взять на себя ее проклятие – атеизм» [33. С. 295]. Но здесь в конце предложения слово наука употребляется уже безо всяких кавычек, что указывает на то, что «наука» – не совсем наука, но некий вымышленный ее образ, своеобразное «пугало», которое имеет мало общего с наукой (без кавычек), поскольку «чёрта-„науку“ поставил Достоевский перед судом читателей в романе „Братья Карамазовы“, отнюдь не подразумевая под именем „наука“ знания вообще» [33. С. 298]. В этой «науке» *ratio* так же мало, как и *imaginatio*, а потому она вряд ли может иметь иное отношение к философии, и в особенности к философии Канта, кроме как служить ее карикатурой.

Подобные рассуждения об *imaginatio* и *ratio* в их связи со знанием встречаются не только в «Достоевском и Канте». Например, автобиографический «Миф моей жизни» заканчивается пассажем о роли имажинации в философии. В этом пассаже Я.Э. Голосовкер приводит деление философов на два потока: философии «антиимагинативной, отрицающей познавательную роль воображения и враждебной ему, – и потока философии имажинативной... утверждающей познавательную роль воображения» [6. С. 14]. Казалось бы, Кант должен входить в первый поток хотя бы потому, что он понимал воображение как «одну из основных способностей человеческой души» [46. С. 512]. Но Голосовкер распределяет философов по потокам следующим образом: «Один поток, примерно: Аристотель – Фома Аквинат – Декарт – Спиноза – Лейбниц – Кант – Энгельс – Гуссерль – – –

Другой поток, примерно: Гераклит – Эмпедокл – Платон – Плотин – Раймонд Люлли – Бруно – Шеллинг – Фехнер – Шопенгауэр – Ницше – Бергсон – – – » [6. С. 14]²⁰.

²⁰ Пунктуация отрывка приведена согласно оригиналу работы без корректировок. Постановка трёх тире в конце описания каждого «потока» никак не объяснена Я.Э. Голосовкером, однако

В сравнении с потоком «окарикатуренной философии», представленной в работе «Достоевский и Кант», возникает предположение, что именно первый поток мыслится автором как «научный» и «антиимагинативный». Впрочем, удивляет не только наличие в нем Канта, но и объединение в одном потоке, например, глубоко верующего Фомы Аквината, канонизированного католической церковью как святого, и материалиста Фридриха Энгельса. Да в остальном предложенные потоки неоднородны, если смотреть на них с точки зрения содержательной оценки концепций.

Остается предположить, что речь идет не столько об идейном противопоставлении, сколько о выразительном. Не о борьбе Тезиса и Антитезиса, но о *средствах представления* того и другого. Тогда присутствие в этом ряду Канта частично может быть оправдано, так как он будет пониматься не как «антиимагинативист» с точки зрения содержания своей философии (что кажется неприемлемым и справедливо удивляет критиков [47. С. 103]), но с точки зрения формы, в которую облечены его идеи. Но даже как представитель первого потока, который условно можно связать с рационализмом, Кант в «Мифе моей жизни» никак не похож на того искусителя-атеиста – чёрта, каким он представлен, по мнению Я.Э. Голосовкера, во взгляде Достоевского.

В работе «Имагинативный Абсолют» именной состав двух философских потоков дополняется, и оба потока получают и явное обозначение, и некоторое пояснение основного принципа классификации, подтверждающее нашу первоначальную догадку. «Философы-художники всецело включаются в поток имагинативной философии: таковы – Гераклит, Эмпедокл, Платон, Плотин, Диоген, Лукреций, Дж. Бруно, Монтень, Шамфор, Шеллинг, Шопенгауэр, Фехнер, Фрошаммер, Гюйо, Ницше, Бергсон... системы прочих философов... – это так называемые системы идеалистической философии, суть имагинации: Декарт, Лейбниц, Спиноза, Гаман, Якоби, Фихте, Гегель, Шефтсбери, Юм, Гоббс... Сюда же особняком входит монструозный Кант» [1. С. 104].

По сравнению с предыдущей классификацией в этой классификации двух потоков происходят три существенных изменения:

1) из определения второго потока исчезает понятие «антиимагинативного» (а определение его как «научного» или рационального отсутствовало изначально);

2) новое деление предполагает, что независимо от формы выражения оба потока – имагинативная философия и идеалистическая философия как имагинация – предполагают стремление к Имагинативному Абсолюту и, хоть и разными способами, но в равной мере утверждают познающую роль воображения и его первоочередное значение для человека;

можно предполагать, что таким образом он хотел указать на незавершенность обоих «потоков» и продемонстрировать, что цепочка имен не исчерпывает описания каждого из них и может быть продолжена.

3) Кант, хоть и относится в этом делении ко второму потоку, как это и было ранее, однако, стоит в нем «особняком», как бы выбиваясь из общего ряда, и имеет статус «монструозного».

Последняя характеристика в трактовке Я.Э. Голосовкера с учетом контекста, в котором она применяется, имеет смысл соединения двух разнородных половин, подобно тому, как кентавр, состоящий из части человека и части лошади, являет собой самостоятельное и притом по-своему прекрасное в своей уникальности существо²¹. «Монструозность» Канта связывается именно с тем, что он «стоит особняком» и, строго говоря, не может быть отнесен ни к первому, ни ко второму философскому потоку.

При этом для Голосовкера несомненно, что «в логическом бешенстве Гегеля, равно как и в дифирамбическом оргиазме Ницше, слышится этот же голос» [1. С. 50] Имагинативного Абсолюта, поскольку «вся так называемая идеалистическая философия была на самом деле *имагинативной* философией» [1. С. 18]. Кант в этом отношении лишь первая ласточка, заставляющая пересмотреть само понимание воображения – и одновременно предельное воплощение идеала философа, который позволяет показать, что никакая настоящая философия, даже отнесенная ко второму потоку, не может одновременно не принадлежать определенным образом к первому потоку, поскольку в ее основании все равно будет лежать Имагинативный Абсолют. Для Я.Э. Голосовкера Кант стоит особняком, поскольку на примере его философии данное положение становится наиболее наглядным. И в этом смысле он выглядит не как противник, не как черт-искуситель или враг русского философа Я.Э. Голосовкера, но как его главный союзник, своим творчеством фактически утверждающий ту самую «гносеологию воображения», которая задумывалась как заключительная часть большого «Имагинативного Абсолюта», но так и не была написана.

Это лишь один пример, демонстрирующий разительное отличие Канта-теоретика от Канта-чёрта в философском наследии Я.Э. Голосовкера. На самом деле таких примеров гораздо больше. Например, мы можем обнаружить их рассуждениях Я.Э. Голосовкера об отличии *Науки* от «науки»²² и «инстинктивном и, одновременно, об осознанном праве на истину» [1. С. 51], отличающем настоящего ученого от псевдоученого.

Ученый, занимающийся *Наукой*, как «монструозный» Кант, соединяет в себе критическое мышление, *ratio*, которое делает его скептиком и неизменно заставляет проблематизировать полученные результаты и считать истину «каким-то „приближением“ <...> на данном этапе развития науки и цивилизации» [1. С. 51] – и убежденность в существовании абсолютной истины, обуславливающей его исследование таким образом, что «открывает он тайну природы силой почти маниакально руководящего им воображения» [1. С. 52]. В отличие от псевдоученого, который, подобно Канту-чёрту, действует

²¹ Похожее употребление термина «монстр» использует, например, В.П. Карцев при описании модели атома Н. Бора в «Приключениях великих уравнений» [48. С. 274].

²² Курсив, прописная буква и кавычки принадлежат Я.Э. Голосовкеру

в рамках одного лишь *ratio*, подлинный ученый, тем самым, неизбежно соединяет *ratio* и *imaginatio*.

Таким образом, мы не можем согласиться с тем, что «за интерпретацией Голосовкера в книге „Достоевский и Кант“ кроется противопоставление *imaginatio* и *ratio*» [12. С. 187] и тем более – что это противопоставление лежит в основании всех его работ. Напротив, фигура истинного Канта, Канта-теоретика, названного Я.Э. Голосовкером «монструозным», как и фигура истинного ученого в его рассуждениях о *Науке*, демонстрируют необходимую связь *imaginatio* и *ratio* и иллюзорность их непреодолимого разрыва.

Более частные примеры отличия Канта-теоретика от Канта-чёрта в философском наследии Я.Э. Голосовкера прослеживаются:

✓ в близости заявленной Я.Э. Голосовкером цели сделать «разум более земным, чем его делают те, кто навязывает ему сплошь идеалистический характер и высоко оценивает только его формально-логические и математические функции» [1. С. 18], и ряда положений И. Канта, связанных с понятием опыта и критикой пустых понятий, а также с его этикой,

✓ в понимании познавательной силы воображения у обоих философов, раскрытой наиболее подробно в их эстетических произведениях,

✓ в неоднозначности отношения к религии (которое разительно отличает атеиста Ивана Карамазова как воплощения Канта-чёрта, от Канта-теоретика, который атеистом никогда не был, хотя и понимал религию весьма специфически – и одновременно не позволяет противопоставить Канту-чёрту самого Голосовкера, чье «обожествление культуры... было безрелигиозным» [4. С. 201], а понимание философии предполагало ее противопоставление религии [49]).

К сожалению, объем статьи не позволяет полноценно раскрыть все эти сюжеты. Но и сказанного достаточно для того, чтобы согласиться с Я.Э. Голосовкером, что «жертвой сделал Ивана не Кант, а автор романа Достоевский при помощи Канта, чтобы сокрушить Канта» [33. С. 277], имея в виду при этом три разных образа Канта:

1. настоящего Канта-теоретика,
2. схематизированного Канта Достоевского, созданного в процессе авторского прочтения, при котором исчезает или существенно трансформируется оригинал, но создается равное ему по силе воздействия произведение,
3. Канта-чёрта или карикатурного Канта, которого следовало сокрушить, но который, будучи порожден в процессе размышлений над «Критикой чистого разума» Канта, от самого Канта был уже настолько далек, что именовать его таковым было некорректно.

Заключение

Работы Я.Э. Голосовкера прекрасно согласуются с выводами современных кантоведов о том, что «в России... противоборствовали два²³ образа Канта и его философии, имевшие мало общего друг с другом» [2. С. 2]

²³ К которым Голосовкер добавляет третий образ, также находящий отражение в ряде работ отечественных философов.

и выявляют причины несходства этих образов. На примере текста Ф.М. Достоевского Я.Э. Голосовкер демонстрирует, что разные образы Канта могут иметь различный характер и обладают различными функциями.

Кант-чёрт, образ карикатурный и являющий собой «якобы Канта», имел значение скорее методологическое, нежели историческое, и присутствовал в ней не как олицетворение самого Канта, но как схематизированный образ не существовавшей в действительности утрированно рационально-критической философии, которой русская философская мысль противостояла, выстраивая собственные основания. В этом противостоянии философия Канта неизбежно схематизировалась, поэтому иногда ее присутствие сознательно нивелировалось самими авторами работ (как в случае с романом Ф.М. Достоевского).

Второй, авторский, образ Канта возникает в результате применения к его текстам стратегии чтения, целью которой является сделать так, чтобы читающие «через Канта имели дело с самими собой» [35. С. 13]. Придерживаясь этой методологии, исследователь объединяет два плана прочтения (авторский и читательский) в один и спрашивает не столько о том, что именно *было написано Кантом*, сколько о том, что *можно увидеть* в собственной жизни и в ее основаниях *благодаря Канту* [33. С. 303–305].

Третий образ Канта складывается, когда в фокусе внимания оказывается реальная историческая фигура Канта и вся его философия. Этот Кант многогранен, его положения создают причудливое полотно, в котором гораздо больше цветов и оттенков, чем в рисунке «карикатурного» Канта-черта. Однако именно в силу этой многоплановости он вряд ли может выступать основанием для определенного руководства к действию. Исследователь, работающий с этим Кантом, вынужден постоянно именовать свой первоисточник, настолько «особняком» стоит в истории мысли «монструозный» Кант, закладывающий основы и для философии как воображения, и для философии как науки.

Различие трех образов Канта прослеживается в работах Я.Э. Голосовкера на протяжении всего его творчества. Трактовка различий в этих образах с опорой на их разные функции является не только оригинальной, но и продуктивной для дальнейшего изучения преломления кантовского наследия в различных культурах, так как она объясняет ряд особенностей: например, почему в некоторых случаях эти образы в русской философии не были разнесены по противоборствующим философским лагерям, а существовали в произведениях одного и того же мыслителя; почему мыслитель, по мнению ряда критиков, глубоко понимавший основания философии Канта и неявно полемизировавший с ним, тем не менее, предпочитал не упоминать его работ или не приводить конкретных цитат из них и т.д. Дальнейшие исследования, позволяющие подтвердить тезис Я.Э. Голосовкера о сознательном размежевании образов Канта, имевших разное методологическое значение для русской философии и в целом для русской культуры, могут выявить и другие теоретические следствия и основания этого размежевания.

Список литературы

- [1] *Голосовкер Я.Э.* Имагинативный абсолют // *Имагинативный абсолют*. М. : Академический проект, 2012. С. 17–180. EDN: QXCKNF
- [2] *Кружлов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. EDN: QWWIHJ
- [3] *Liebtman O.* Kant und die Epigonen. Eine kritische Abhandlung. Berlin : Verlag von Reuther & Reichard, 1912.
- [4] *Брагинская Н.В.* Об авторе и книге // *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М. : Наука, 1987. С. 187–206.
- [5] *Шмидт С.О.* О Якобе Голосовкере // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012. № 1. С. 95–112. EDN: OWYGCV
- [6] *Голосовкер Я.Э.* Миф моей жизни // *Имагинативный абсолют*. М. : Академический проект, 2012. С. 7–14.
- [7] *Шмидт С.О.* О Якове Эммануиловиче Голосовкере // *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 473–481.
- [8] *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. EDN: VNNIUT
- [9] *Рашковский Е.Б.* Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека // *Соловьёвские исследования*. 2013. № 2 (38). С. 146–174. EDN: QCLYID
- [10] *Рашковский Е.Б., Сиверцев М.А.* Проблемы «культурной имагинации» в трудах Я.Э. Голосовкера // *Голосовкер Я.Э.* Избранное: логика мифа. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. С. 460–472.
- [11] *Морозов Д.А.* Кризис культуры в «Сожженном романе» Я.Э. Голосовкера // *Диалог со временем*. 2023. № 84. С. 329–341. DOI: 10.21267/aquilo.2023.84.84.018 EDN: MJXLNF
- [12] *Морозов Д.А.* «Авторская книга»: размышления Я.Э. Голосовкера о Достоевском и Канте // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4. № 3. С. 178–195. DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195 EDN: DXHKIO
- [13] *Морозов Д.А.* Два взгляда на поэзию Гельдерлина: М. Хайдеггер и Я.Э. Голосовкер // *Философский журнал*. 2020. Т. 13. № 2. С. 97–113. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-97-111 EDN: AJUIES
- [14] *Морозов Д.А.* «Сказания о титанах» как реализация философского проекта Я.Э. Голосовкера // *Вопросы философии*. 2023. № 5. С. 151–161. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-151-161 EDN: VRNAXO
- [15] *Fleischhauer I.* Jakov Emmanuilovic Golosovker und sein Ort in der russisch-sowjetischen Kant– Interpretation // *Kant Studien*. 1979. Vol. LXX. № 1. S. 66–84.
- [16] *Чудакова М.О.* Исус и Иешуа // *Дружба народов*. 1991. № 7. С. 136–141.
- [17] *Филатов Т.В.* Логика мифа Якова Голосовкера как специфическая разновидность модальной логики // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*. 2021. № 1 (6). С. 65–76. EDN: RJLLXQ
- [18] *Сбойчикова М.В.* Концептуальная интерпретация природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта» Я.Э. Голосовкера // *Известия Томского политехнического университета*. 2013. Т. 323. № 6. С. 163–168. EDN: RUHWKD
- [19] *Арапов О.Г.* «Имагинативная философия» Я. Голосовкера и «Имагинативная метафизика» Г. Башляра: две модели философии воображения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2017. Т. 21. № 2. С. 158–164. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-158-165 EDN: YOYBGF
- [20] Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

- [21] Степени жизни Якова Голосовкера / под ред. М.Ю. Савельевой, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляева. Киев : Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2020.
- [22] Конрад Н.И. О труде Я.Э. Голосовкера // *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М. : Наука, 1987. С. 182–187.
- [23] Брагинская Н.В. Слово о Голосовкере // *Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн / под ред. В.А. Лекторского.* Кн. 1. 20–50-е годы. М. : РОССПЭН, 1998. С. 604–611.
- [24] Мартынов Л. Черты сходства. М. : Современник, 1982.
- [25] Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М. : Наука, 1987. EDN: QZNLH
- [26] Брагинская Н.В. Слово о Голосовкере // *Вопросы философии.* 1989. № 2. С. 106–110. EDN: RECHKT
- [27] Голосовкер Я.Э. Миф моей жизни. Интересное // *Вопросы философии.* 1989. № 2. С. 110–145.
- [28] Голосовкер Я.Э. Сожженный роман // *Дружба народов.* 1991. № 7. С. 96–128.
- [29] Голосовкер Я.Э. Из книги: «Вот о чем думал юноша» (записки юного материалиста). Фантазия // *АРХЭ.* Вып. 1. Кемерово : «АЛЕФ» Гуманитарный центр, 1993. С. 368–382.
- [30] Голосовкер Я.Э. Имагинативная эстетика // *Символ.* 1993. № 29. С. 7–134. EDN: QZNFYV
- [31] Голосовкер Я.Э. Засекреченный секрет : Философская проза. Томск : Водолей, 1998.
- [32] Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2010.
- [33] Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант // *Имагинативный абсолют.* М. : Академический проект, 2012. С. 235–310.
- [34] Ахутин А.В. София и чёрт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // *Вопросы философии.* 1990. № 1. С. 51–69. EDN: TWYBET
- [35] Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М. : Аграф, 2000.
- [36] Зелинский В. Между титаном и вепрем: (Памяти Я.Э. Голосовкера) // *Голосовкер Я.* Сказания о титанах. М. : Высшая школа, 1993. С. 293–318.
- [37] Луначарский А.В. О переводе 3-ей песни «Так говорил Заратустра» // *Литературное наследство.* Т. 82. Неизданные материалы. М. : Наука, 1970. С. 525.
- [38] Ознобкина Е.В. Книга для всех и ни для кого // *Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская.* М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 227–231.
- [39] Кржижановский С.Д. Жизнеописание одной мысли // *Собрание сочинений.* Т. 1. СПб. : Симпозиум, 2001. С. 139–146.
- [40] Достоевский Ф.М. Письма, 1832–1859 // *Собрание сочинений в 30 томах.* Т. 28. Кн. 1. Л. : Наука, 1985.
- [41] Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М. : Канон+, 2012. EDN: QXEKNX
- [42] Круглов А.Н. Философия Канта в России после 1945. Режим доступа: <https://kant-online.ru/a-kruglov-filosofiya-kanta-v-rossii-pos/> (дата обращения 26.01.2024).
- [43] Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина: из истории русского романтизма. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1915.
- [44] Пустарников В.Ф. Михаил Бакунин против Иммануила Канта // *Кант и философия в России.* М. : Наука, 1994. С. 5–25.
- [45] Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии / вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания С.С. Хоружего. М. : Наука, 1993.

- [46] *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Мысль, 1994.
- [47] *Брагинская Н.В.* Имагинация – интуиция – инспирация: Я.Э. Голосовкер и гносеология воображения // Яков Эммануилович Голосовкер / под ред. Е.Б. Рашковского; сост. Е.Б. Рашковский, Н.В. Брагинская. М. : Политическая энциклопедия, 2017. С. 57–116. EDN: YORAQP
- [48] *Карцев В.Л.* Приключения великих уравнений. (Издание третье). М. : Знание, 1986.
- [49] *Козолупенко Д.П.* Негативные корни религии в концепции имагинативного абсолюта Якова Эммануиловича Голосовкера // Религиоведческий альманах. 2023. № 2 (11). С. 42–63.

References

- [1] Golosovker JaE. The imaginative absolute. In: *The imaginative absolute*. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. P. 17–180. (In Russian). EDN: QXCKNF
- [2] Kruglov AN. *Kant's philosophy In Russia at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries*. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitacija» publ.; 2009. (In Russian). EDN: QXCKNF
- [3] Liebmann O. *Kant und die Epigonen. Eine kritische Abhandlung*. Berlin: Verlag von Reuther & Reichard; 1912.
- [4] Braginskaya NV. About the author and the book. In: Golosovker JaE. *The logic of the myth*. Moscow: Nauka publ.; 1987. P. 187–206. (In Russian).
- [5] Shmidt SO. About Jacob Golosovker. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2012;(1):95–112. (In Russian). EDN: OWYGCV
- [6] Golosovker JaE. The myth of my life. In: *The imaginative absolute*. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. P. 7–14. (In Russian).
- [7] Shmidt SO. About Jacob Emmanuilovich Golosovker. In: Golosovker JaE. *Favorites: the logic of myth*. Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ publ.; 2010. P. 473–481. (In Russian).
- [8] Meletinskij EM. *The Poetics of myth*. Moscow: Vostochnaja literatura publ.; 2000. (In Russian). EDN: VNNIUT
- [9] Rashkovskii EB. Jakov Emmanuilovich Golosovker: Philosophy in search of human. *Solov'jovskie issledovanija*. 2013;2(38):146–174. (In Russian). EDN: QCLYID
- [10] Rashkovskii EB, Sivertsev MA. The Problem of “Cultural Imagination” in the Works of Ya.E. Golosovker. In: Golosovker JaE. *Favorites: the logic of myth*. Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ publ.; 2010. P. 460–472. (In Russian).
- [11] Morozov DA. The Crisis of Culture in “The Burnt Novel” by Ya.E. Golosovker. *Dialog so Vremenem*. 2023;(84):329–341. (In Russian). DOI: 10.21267/aquilo.2023.84.84.018 EDN: MJXLNF
- [12] Morozov DA. “The Author’s Book”: Reflections of Ya.E. Golosovker on Dostoevsky and Kant. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*. 2021;4(3):178–195. (In Russian.). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-178-195 EDN: DXHKIO
- [13] Morozov DA. Two views on Gelderlin’s poetry: M. Heidegger and Ja. E. Golosovker. *The Philosophy Journal*. 2020;13(2):97–111. (In Russian.). DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-97-111 EDN: AJUIES
- [14] Morozov DA. “Tales of the Titans” as a realization of the Ya.E. Golosovker’s Philosophical Project. *Voprosy Filosofii*. 2023;(5):151–161. (In Russian.). DOI: 10.21146/0042-8744-2023-5-151-161 EDN: VRNAXO
- [15] *Fleischhauer I.* Jakov Emmanuilovic Golosovker und sein Ort in der russisch-sowjetischen Kant– Interpretation. *Kant Studien*. 1979;LXX(1):66–84.
- [16] Chudakova MO. Jesus and Yeshua. *Druzhiba narodov*. 1991;(7):136–141. (In Russian).

- [17] Filatov TV. Yakov Golosovker's Myth Logik as a special Type of Modal Logic. *Vestnik of Samara State Technical University. Series «Philosophy»*. 2021;6(1):65–76. (In Russian). EDN: RJLLXQ
- [18] Sboychikova MV. Conceptual Interpretation of Myth Nature within Ya.E. Golosovker «Imaginative Absolute» Theory. *Bulletin of The Tomsk Polytechnic University*. 2013;323(6):163–168. (In Russian). EDN: RUHWKD
- [19] Arapov OG. “Imaginative Philosophy” of Y. Golosovker and “Imaginative Metaphysics” of G. Bachelard: two Models Philosophy of Imagination. *RUDN Journal of Philosophy*. 2017;21(2):158–165. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-158-165 EDN: YOYBGF
- [20] Rashkovskii EB, editor. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ.; 2017. (In Russian).
- [21] Savel'eva MJu, Suhodub TD, Aljaev GE, editors. *The degrees of life of Yakov Golosovker*. Kyiv: Izdatel'skij Dom Dmitrija Burago; 2020. (In Russian).
- [22] Konrad NI. About the work of Ja.E. Golosovker. In: Golosovker JaE. *The logic of the myth*. Moscow: The science; 1987. P. 182–187. (In Russian).
- [23] Braginskaya NV. A word about the Golosovker. In: Lektorskij VA, editor. *Philosophy does not end. From the history of Russian philosophy. The twentieth century*. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN; 1998. P. 604–611. (In Russian).
- [24] Martynov L. *Similarities*. Moscow: Sovremennik publ.; 1982. (In Russian).
- [25] Golosovker JaE. *The logic of the myth*. Moscow: The science; 1987. (In Russian). EDN: QZNHLH
- [26] Braginskaya NV. A word about the Golosovker. *Voprosy Filosofii*. 1989;(2):106–110. (In Russian). EDN: RECHKT
- [27] Golosovker JaE. The myth of my life. Interesting. *Voprosy Filosofii*. 1989;(2):110–145. (In Russian).
- [28] Golosovker JaE. The Burned Novel. *Druzhiba narodov*. 1991;(7):96–128. (In Russian).
- [29] Golosovker JaE. From the book: “That's what the young man was thinking about” (notes of a young materialist). *Fantasy. ARHE*. 1993;(1):368–382. (In Russian).
- [30] Golosovker JaE. Imaginative aesthetics. *Symbol*. 1993;(29):73–134. (In Russian). EDN: QZNFYV
- [31] Golosovker JaE. *A classified secret: Philosophical Prose*. Tomsk: Vodolej publ.; 1998. (In Russian).
- [32] Golosovker JaE. *Selected works. The logic of the myth*. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ publ.; 2010. (In Russian).
- [33] Golosovker JaE. Dostoevsky and Kant. In: Golosovker JaE. *The imaginative absolute*. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. P. 235–310. (In Russian).
- [34] Ahutin AV. Sophia and the Devil (Kant in the Face of Russian Religious Metaphysics). *Voprosy Filosofii*. 1990;(1):51–69. (In Russian). EDN: TWYBET
- [35] Mamardashvili MK. *Kantian variations*. Moscow: Agraf; 2000. (In Russian).
- [36] Zelinskij V. Between the titan and the boar: (In memory of Ya.E. Golosovker). In: Golosovker JaE. *Tales about the Titans*. Moscow: Vysshaja shkola publ.; 1993. P. 293–318. (In Russian).
- [37] Lunacharskij AV. About the translation of the 3rd song “Thus spoke Zarathustra”. In: Lunacharskij AV. *Literary heritage*. Vol. 82. Unpublished materials. Moscow: Nauka publ.; 1970. (In Russian).
- [38] Oznobkina EV. A book for everyone and for no one. In: Rashkovskii EB, editor. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ.; 2017. P. 227–231. (In Russian).

- [39] Krzhizhanovskij SD. The biography of one thought. In: Krzhizhanovskij SD. *Collected works*. Vol. 1. Saint Petersburg: Simpozium; 2001. P. 139–146. (In Russian).
- [40] Dostoevskij FM. Letters, 1832–1859. In: Dostoevskij FM. *Collected works*. Vol. 28. Book 1. Leningrad: Nauka publ.; 1985. (In Russian).
- [41] Kruglov AN. *Kant and Kantian Philosophy in Russian Fiction*. Moscow: Kanon+ publ.; 2012. (In Russian). EDN: QXEKNX
- [42] Kruglov AN. *Kant's philosophy in Russia after 1945*. Available from: <https://kant-online.ru/a-kruglov-filosofiya-kanta-v-rossii-pos/> (accessed: 26.01.2024). (In Russian).
- [43] Kornilov AA. *Mikhail Bakunin's young years: from the history of Russian Romanticism*. Moscow: M. and S. Sabashnikov publ.; 1915. (In Russian).
- [44] Pustarnakov VF. Mikhail Bakunin vs. Immanuel Kant. In: *Kant and philosophy in Russia*. Moscow: Nauka publ.; 1994. P. 5–25. (In Russian).
- [45] Bulgakov SN. *Collected works*. Vol. 1. Moscow: Nauka publ.; 1993. (In Russian).
- [46] Kant I. *The Critique of pure reason*. Moscow: Mysl' publ.; 1994. (In Russian).
- [47] Braginskaya NV. Imagination – intuition – inspiration: Ya.E. Golosovker and the epistemology of imagination. In: Rashkovskii EB, editor. *Yakov Emmanuilovich Golosovker*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ.; 2017. P. 57–116. (In Russian). EDN: YORAQP
- [48] Kartsev VP. *Adventures of great equations*. Moscow: Znanie publ.; 1986. (In Russian).
- [49] Kozolupenko DP. The negative roots of religion in the concept of the imaginative Absolute by Yakov Emmanuilovich Golosovker. *Religiovedcheskij al'manah*. 2023;2(11):42–63. (In Russian).

Сведения об авторе:

Козолупенко Дарья Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии образования философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. ORCID: 0000-0001-5363-323X. SPIN-код: 5250-2319. E-mail: petrovich.tr@gmail.com

About the author:

Kozolupenko Daria P. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5363-323X. SPIN-code: 5250-2319. E-mail: petrovich.tr@gmail.com